

Орочимару посмотрел направо, высоко подняв одну бровь. "Ты только что сказал Тензай?"

"Да", - ответил Джирайя, прислонившись к дереву. Жаба снова выбрала место для встречи, и его бледнокожий коллега не сомневался, что здесь было установлено около полудюжины ловушек, чтобы либо напасть, либо помочь ему сбежать, если дело пойдет не так. Он уже видел четыре из них. "Ты его знаешь".

"Это было во времена сенсея, а не мои", - признал он, не обращая внимания на то, что Джирайя вздрогнул при упоминании Сарутоби. "Но я знаю. Могущественный шиноби, судя по всему, совершенно безумный".

"Похоже на моего знакомого". Он ткнул пальцем с тонкостью кирпича. "Может, в ближайшем будущем он скажет, что на самом деле был твоим союзником".

"У тебя есть еще что-нибудь сообщить, или я должен быть подвержен твоему так называемому "остроумию"?"

Жаба фыркнула. "Да, вот еще что. На севере назревают неприятности с Айвой и Кумо, они держат свои руки в банке. Это главная причина, по которой они собираются освободить Тензая. Кстати говоря, кроме того, что он "совершенно безумен", чем он может быть опасен? Если он был до вашего времени, то сколько ему должно быть? Шестьдесят? Семьдесят?"

"Насколько я знаю, он наш ровесник". признал Змей. "Он был подростком, когда его имя стало на слуху, в тюрьму его посадили около двадцати лет назад и держали там последние два-три десятилетия".

Джирайя ничего не говорит, просто выпрямляется, поворачивается и уходит. Орочимару отпускает его.

Они не друзья. Они даже не союзники, которых вновь свели вместе спустя годы лишь обстоятельства. Даже если он никогда по-настоящему не предавал их, даже если он никогда активно не добивался их смерти, теперь они слишком разные, вихри и течения жизни увлекли их слишком далеко друг от друга.

Он притащил мужчину, чтобы закинуть широкую сеть и поймать мальчика. А тот, в свою очередь, втянул в это дело и Цунаде.

Теперь они были вовлечены в это дело, но теперь они не были под его ответственностью. Вскоре Кушина должна была распределить их по камерам и дать им задания.

Он не был уверен, насколько хорошо они это воспримут, но, как бы то ни было, это больше не было его проблемой.

Ни один из них больше не был проблемой.

Какаши пришел раньше.

От этого ей не стало легче.

Она подошла ближе, и утешение от того, что он читает свою книгу, вскоре исчезло, когда она поняла, что она только открыта, а на самом деле он не читает её, а смотрит на неё.

Когда она наконец оказалась на расстоянии вытянутой руки, он оставил притворство и убрал книгу.

"Сакура".

"Привет, сенсей". Она с трудом выдавила из себя яблоко, застрявшее в горле.

На мгновение он замолчал, а затем тяжело вздохнул. "Нет другого способа сказать это, кроме как просто... сказать это. Команда семь официально расформирована".

Она знала, что это произойдет, знала, что он так и скажет, но все равно это было как удар в живот.

"У тебя есть два варианта, Сакура. Если ты хочешь продолжить свою карьеру ниндзя".

Она сглотнула, заставляя свинцовую тяжесть в желудке улечься, прежде чем встретиться с Какаши взглядом.

"Ты можешь попасть в список резервистов. Там тебя будут переводить до тех пор, пока не найдут команду с вакансией или сенсея, который захочет создать новую команду из уже закончивших обучение генинов... это, пожалуй, самый простой вариант".

Он замолчал, и спустя почти двадцать или тридцать секунд ей пришлось попросить его продолжить.

"А какой другой вариант, сенсей?"

Какаши, казалось, немного поработал челюстью, подыскивая слова, прежде чем наконец их придумал.

"Ты заменишь меня".

Она моргнула и тупо уставилась на него, открывая и закрывая рот.

"Как и прежде". Он продолжил. "Я последний человек в Конохе, у которого есть Шаринган. Есть только двое других с такими же глазами, и оба они были объявлены пропавшими ниндзя. На их верность деревне рассчитывать не приходится. Охотник Нин постарается уничтожить их обоих..." Глаза Сакуры расширились от тревоги, но Какаши продолжал говорить, не обращая внимания на ее протесты. "Прежде чем они начнут размножаться и эти глаза станут бесплатным товаром. Проблема в том, что мне уже за тридцать. Для большинства ниндзя это уже отставка или смерть".

Сакура поняла, к чему все идет, Какаши уже набросал для нее карту.

Он кивнул. "Это значит, что они хотят, чтобы я обучил кого-то, чтобы он, по сути, стал мной. Мой стиль боя, мои способности, приемы. Им нужна почти идеальная копия, чтобы они могли взять этот глаз и вставить его кому-нибудь другому. Без лишних повреждений и при правильной обработке чакры этот глаз мог бы прослужить деревне еще столетие. Его редкость сделает его еще более опасным, ведь через десяток лет люди забудут, как бороться с обладателями Шарингана".

"Зачем я им нужна?" Ей удалось выдохнуть.

"Хм?"

"Почему администраторы хотят, чтобы я заменил тебя?"

Какаши снова тяжело вздохнул. "Ты предпочитаешь ложь или правду?"

Какаши окинул его взглядом. Он бы улыбнулся, если бы мог улыбаться тому, что собирался сказать.

"Потому что, откровенно говоря... ты расходный материал".

Он видел, как на ее лице промелькнула обида, как в глазах застыло отчаяние. "Ты - первый ниндзя в своей семье на протяжении трех поколений. Так что у тебя нет генетической предрасположенности к чему-то выдающемуся. Ты не изгой. Ты - и это во многом моя вина - генин, чья сила намного ниже среднего. Если ты сломаешься или даже умрешь во время тренировки, что... вполне может случиться, если ты решишь ее пройти, деревня ничего не потеряет. Администраторы это понимают. Вы даете им все, что можно получить, и очень мало, что можно потерять".

Наступила напряженная неловкая тишина. Какаши дал ей время впитать сказанное, а Сакура с радостью приняла его.

"Сакура."

Она снова подняла на него глаза.

Он вздохнул и опустился на колени, чтобы быть на уровне ее глаз. "Это твой выбор. Если ты решишь уйти в резерв, я окажу тебе несколько услуг и позабочусь о том, чтобы у тебя был хороший сенсей. Даже лучше, чем я. Возможно, придется немного привыкнуть к новой команде, но так будет безопаснее. Это чистая правда".

"Похоже, ты не хочешь продолжать тренировать меня". Она фыркнула. "Саске ушел... Наруто тоже... Администраторы считают меня ненужной, а ты - бесполезной". Она зашипела, гнев медленно разгорался в ее груди.

"Я не считаю тебя бесполезной". Он ответил. "Но я вижу в тебе слабость, и опять же... это моя вина. Я не обучил тебя лучше. Обучение, через которое тебе придется пройти, чтобы правильно владеть Шаринганом и заменить меня... оно будет очень опасным. Тебя будут регулярно подвергать гендзюцу, ты будешь заставлять свое тело преодолевать ограничения своего разума, так как будешь изучать навыки, требующие работы Шарингана, а к моменту его пересадки твои нейронные пути и катушки чакры уже будут развиты. Мне придется давить на тебя до тех пор, пока ты не сможешь больше терпеть, а потом придется давить еще сильнее. Я не хочу видеть тебя в психиатрической клинике к двадцати годам. Я не хочу видеть тебя овощем или калеккой. Если ты пойдешь по этому пути, я не могу обещать тебе никакой безопасности. Я подвел Сасукэ. Я подвел Наруто. Я подвел их... Я не хочу подвести и тебя".

Он встал. "Не стоит принимать решение сразу. Иди домой... подумай об этом столько, сколько тебе нужно... когда будешь готова, найди меня. Я буду гордиться любым твоим решением, какое бы оно ни было".

Какой прекрасный голос".

Так думала Кушина, слушая живое выступление внизу со своего места в чайном домике.

Она откинула голову набок и слушала, закинув одну ногу на другую.

Дверь открылась.

Змея шагнула внутрь.

"Куши..."

Она подняла палец, и он замолчал, позволяя ей беспрепятственно слушать песню.

Когда последняя, высокая нота женщины донеслась до нее, Кушина почувствовала, как ее улыбка стала чуть шире.

Она открыла глаза и посмотрела на Орочимару, который хмуро смотрел на нее.

"У меня есть отчет". сказал он.

Кушина улыбнулась еще чуть-чуть и почувствовала, что его рука начала подниматься от подозрения.

"Разве не всегда?" Она сказала и жестом пригласила его сесть. "Сними напряжение, выпей со мной".

Он посмотрел на бутылку, уже стоявшую на столе, и два чистых стакана рядом с ней. Однако это не означало, что она не могла выпить прямо из бутылки. "Ты пьяна?"

Теперь в ее улыбке показались зубы. "Нет. Просто праздную".

"Что празднуешь?"

Она поджала губы и, кажется, задумалась, прежде чем подобрать подходящее слово. "Случайность".

Она не стала ждать, пока он скажет. Наклонившись вперед, она перевернула бокалы вверх дном и налила им обоим по щедрой порции. "Один бокал". сказала она. "А потом ты мне все расскажешь".

Он смотрел на нее с подозрением и приподнятыми бровями.

Он поднял бокал.

Они выпили.

Она смотрела, как он открывает глаза, отрывая вино от бледных губ.

Она усмехнулась, пропустив немного кроваво-красной жидкости по губам.

Она отодвинула пустой кубок, улыбаясь ему невинно и очаровательно.

Он посмотрел на чашку. "Змеиная кровь? Театральность тебе не идет".

Улыбка, которую она носила, казалось, была приклеена к ее лицу. "Отравление чакрой". Она вытерла губы и отставила чашку. "Очень умная уловка, которую вы со старой летучей мышью придумали". Она сцепила пальцы на коленях.

Он мог подумать только об одном, что заставит ее сказать ему эти слова. Его губы скривились от отвращения.

"Ты что, все это время смеялся, Орочи-кун? Ты и эта старая бесчувственная летучая мышь?"

"Над тем, что мы с тобой сделали". Он ответил без предисловий и колебаний. "Мы сделали это, потому что это было необходимо. Нам нужен был "Алый дьявол". Нам не нужно было..."

"К черту то, что вам было нужно". Она прервала его, улыбка не сходила с лица. "Я была нужна ему. Больше, чем просто украсть меня. Ты украл меня у него".

Змеиный саннин не стал оправдываться. Не просил прощения и не извинялся. Он смотрел ей прямо в глаза и говорил с ней начистоту. "Мы сделали то, что должны были сделать, Кушина".

Она, по крайней мере, ответила ему любезностью на любезность. "Ты будешь докладывать обо всем, что захочешь, через Итачи или Кисаме. Я больше не буду с тобой разговаривать. Ты все еще важен. Считаю это своим спасением. Не заблуждайся: важен ты или нет... в следующий раз, когда я тебя увижу, я тебя убью.

Она не шутила. Это не было хвастовством или самоуверенной угрозой.

Он отставил бокал и вытер рот носовым платком, который она заранее предусмотрительно оставила на столе.

Затем он повернулся и вышел из комнаты.

За такой привилегией ей придется встать в очередь.

<http://tl.rulate.ru/book/101658/3501814>